

Нешуточные игры на поле гражданского образования (заметки участника ОДИ)

Вячеслав Бобрович

В конце марта автору этих строк удалось поучаствовать в одной из организационно-деятельностных игр (ОДИ), проводимых Агентством гуманитарных технологий (АГТ). Мероприятие состоялось в окрестностях Гёттингена, в одном из тихих и живописных уголков Германии. Удаленность от дома помимо всего прочего имела смысл и по “игровым” соображениям. Так достигается “чистота эксперимента”, полное погружение в проблему. Поинуть игру практически невозможно. Ничто постоннее не отвлекает.

Участниками (за исключением двух иностранных гостей) были белорусы — представители различных общественных организаций, занимающихся неформальным образованием, работники системы формального образования, эксперты белорусского научного сообщества. Отбор участников был обусловлен темой игры, которая звучала так: “Гражданское образование в Беларуси: продолжение или начало”. Организаторы попытались собрать тех, кто волей-неволей, сознательно или неосознанно занимается (или должен заниматься) воспитанием белорусского гражданина. Целью игры было получение конкретного результата в виде социального проекта, призванного дать толчок созданию системы гражданского образования, адекватного современным требованиям. По замыслу организаторов игры, концепция гражданского образования в Беларуси должна объединить разрозненные усилия представителей государственного и негосударственного сектора образования в деле обучения белорусского общества демократической гражданственности.

Официально заявленная цель ОДИ — создание вполне конкретного проекта. Действительно, слишком дорогое это мероприятие, если учесть проезд, проживание, питание, продуманную организацию, чтобы устраивать его исключительно для личностного роста игроков. Однако любая организационно-деятельностная игра решает еще одну очень важную задачу — обеспечение вполне конкретных подвижек в сознании и поведении участников. Методологи признают, что, в конечном счете, влияние, оказываемое игрой на “игроков”, может быть важнее, чем создаваемый в процессе игры продукт. Иногда среди них можно даже услышать тезис о необходимости “ОДИ-зации” всей страны. Предложение, надо сказать, не лишнее смысла, если учесть безграмотность и безответственность большинства населения (обывателей, политиков, интеллектуалов) в вопросах всякого рода деятельности.

В данной статье я не буду подробно освещать содержательные аспекты игры. Они достойны того, чтобы стать темой отдельного разговора. Остановлюсь лишь на том, что представляет собой игра как метод и почему она вызывает столь противоречивые отзывы. Подобно многим участникам, до поездки в Гёттинген я знал о ней совсем не много. Говорили о том, что не каждый выдерживает ее накала, что ведущий (Владимир Мацкевич) может буквально “растоптать” на глазах публики любого из участников, доказав его интеллектуальную и деловую несостоятельность. Ходят легенды, что в одной из игр кто-то из участников пытался выброситься из окна, а кого-то попросту выгнали из игры за “неудобное” поведение. Вспоминая Конфуция¹, решил, что не буду выносить каких-либо скоропалительных суждений. Как выяснилось — совершенно оправдано, потому как понять игру можно только изнутри.

По факту своего участия в игре попробую порассуждать о том, что в ней привлекает и настораживает. Испытав и то, и другое, пообщавшись с ее сторонниками и противниками, попробую объяснить причины подобной двойственности.

Итак, что в игре, безусловно, **привлекает**:

- Прежде всего, это, конечно, предельная внимательность к **слову**. Мы все хорошо знаем, что слово — это тоже дело. Нам с детства твердили о том, что слово творит чудеса, что словом можно погубить и вылечить, унижить и возвысить. Однако в жизни, как правило, относимся к словам не обдуманно и расточительно. В белорусском обществе повседневная коммуникация нередко превращается в процедуру, где каждый использует собеседника в качестве бесплатного “психоаналитика”. Мы превращаем разговор в средство собственного самовыражения и самореализации. В таком “диалоге” каждый ждет своей очереди, чтобы высказаться, не слишком прислушиваясь к тому, что слышит.

В СМД-подходе слово — это не просто дело, а проявление человеческой деятельности. По крайней мере, если

¹ Учитель сказал:

*Что ненавидят все,
То требует проверки,
Что любят все,
То требует проверки. (1)*

это слово произносится в расчете на публичное восприятие. Все, что презентуется публике, не может и не должно оставаться без внимания. Публичное обсуждение это не просто приятное времяпровождение, а деятельность, направленная на позитивный результат. Таковым может стать согласие в каких-то важных вопросах, сотрудничество в выполнении взятых на себя обязательств. При таком подходе слова участников игры оцениваются как вклад каждого в "общее дело". Даже если они просто выражают сомнение или несогласие. Конструктивная критика может быть не менее полезной, чем конструктивные идеи.

Благодаря совместным усилиям организаторов и участников на игре создается атмосфера, которая резко контрастирует с тем, что обычно мы наблюдаем в публичном и частном пространстве. В ОДИ ваши слова воспринимаются очень даже серьезно. Кто-то увидит в этом излишнюю придирчивость или даже предвзятость. Ну, сказал что-то не обдумав, или ошибся в приведенных фактах. С кем не бывает. Нельзя же контролировать каждое свое слово. Вон и президент часто говорит абы что. Однако можно посмотреть на данную ситуацию и иначе. Внимательное отношение к вашему слову говорит о том, что вам доверяют. Вас считают самостоятельным, ответственным субъектом "говорения", который абы что говорить не станет и который осознает, что он делает своим говорением. Собственно, в этом и заключается практическая реализация свободы слова и мнения, уважение к человеку как субъекту деятельности.

К сожалению, белорусская "толерантность" — это не столько терпимое отношение к другому, сколько игнорирование. Его просто не замечают и не слышат. Мы не замечаем того, что говорят и пишут вокруг нас. В стране производится не так уже много хороших текстов, но и те, что есть, мало кто знает. Мы не спорим с другими в тех случаях, когда следовало бы. Просто оставляем без внимания. В каком-то смысле, подобного рода толерантность даже хуже, чем нетерпимость. Ведь последняя, по крайней мере, считается результатом равнодушия. Для того чтобы прийти к настоящей толерантности, мы должны научиться быть небезразличными, заинтересованными в обществе, в его проблемах, друг в друге.

Как преподаватель, с удовольствием применил бы некоторые игротехнические методики в аудитории. Не секрет, что занятия в вузе сегодня проходят скучновато. Вопросно-ответная система себя изжила, зачитывание рефератов превратилось в сонную процедуру зарабатывания оценок. Низкий уровень объективной информированности и заинтересованности студентов (учеников) в учебе затрудняет работу даже самых талантливых педагогов. Есть и другая крайность, когда использование активных методов обучения ведет к превращению занятий в поток ни к чему не обязывающих игр. Истина где-то посредине и связана с созданием особой атмосферы в классе (аудитории), заставляющей внимательно относиться к каждому высказыванию. Тогда самое простое обсуждение может превратиться в интересную словесную игру, вовлекающую в свою орбиту даже самых слабых. Методологам

следует уделить особое внимание адаптации своих техник к нуждам современной школы, подумать над тем, как вооружить ими обычного педагога.

• Ответственность за произносимые слова.

Со времен античности демократия связана с публичным обсуждением общественных проблем. В споре побеждал тот, кто смог убедить в своей правоте общественность, кто брал на себя ответственность за сказанное и мог реализовать его в деле. Именно тогда публичное говорение стало важным и серьезным занятием. Граждане осознают значение логики и риторики, начинают понимать (благодаря философам) опасность демагогии. В белорусском обществе ответственность за слова в значительной степени утрачена. Многие слова давно уже ничего не означают, другие наполнены иным, искаженным смыслом. Отсутствует и ответственность за публичное высказывание. Можно нести сущую околесицу с высокой трибуны парламента, на конференции, на международном форуме. Никто не опровергнет и не заинтересуется. Для нас всех была бы очень полезна процедура возвращения к истинному смыслу слов (методологи во главе с Владимиром Мацкевичем вспоминают при этом конфуцианское "исправление имен") и к истинному значению публичных выступлений.

В целом "работа" на игре происходит при повышенном градусе внимательности как со стороны говорящего, так и со стороны слушателей. Повышению этого "градуса" способствует многое — компетентность участников игры, их согласие принять ее условия и общими усилиями создать соответствующую атмосферу, тренерский талант В.Мацкевича. Не допуская пустословия и не оставляя без внимания высказанную мысль, в коммуникации можно получить неплохие результаты.

Глядя на игру со стороны, порой можно наблюдать довольно интересные сцены. К примеру, кто-то выразил особое мнение или задал вопрос, на который непросто ответить. "Что делать будем?" — спрашивает ведущий. Скоропалительная реакция не допустима, потому что и она будет строго взвешиваться и оцениваться. Умные, знающие люди подолгу сидят в молчании. В иной ситуации при обсуждении подобных вопросов они говорили бы много и горячо, перебивая и не слушая друг друга. Здесь каждого услышат. Но от этого не легче. Ведь на игру приглашаются не случайные люди, а значит, от них ожидается взвешенное, компетентное суждение. Если же человек говорит не обдуманно и не способен к ответственному высказыванию, то под сомнение ставится все, что он делает "дома", в неигровой ситуации. Сразу возникает вопрос: "Дает ли он себе отчет в том, чем он занимается, что он делает? Может быть, он случайный в своем деле человек?"²

Повышению ответственности за мысли и слова в ОДИ способствует поэтапность формирования докладов. Вначале они обсуждаются и формулируются в группах, т.е. там, где собираются люди, занимающие примерно одну и ту же позицию (иногда и разные, но тогда есть возможность рассмотрения вопроса с разных позиций). Затем на пленарном заседании один из членов группы презен-

² У Г.П. Щедровицкого есть интересный пассаж относительно нашей общей предрасположенности к необдуманному говорению. "Мы говорим не потому, что хотим произвести действие, а просто так, поскольку молчать считается неудобным и неприличным. Если человек, скажем, встречается с другим и при этом молчит, считается, что он в плохом настроении. В Японии все иначе: если вы начнете просто разговаривать, то вас отнесут к числу тех невоспитанных людей, которые болтают так просто, не зная зачем. Так жестко у них структурируются законы понимания" (2).

тует коллективно выработанную точку зрения всем участникам. Там она подвергается жесткой оценке с точки зрения ее методологической и содержательной состоятельности. Атмосфера может накаляться до предела. По крайней мере, организаторы игры делают для этого все возможное. Не зря ведь задолго до игры они основательно погружаются в проблему на своих методологических семинарах. На самой игре при оценке мыслительности участников групп используются логические приемы, позволяющие обнаружить шаткость и слабую аргументацию.

Дерзкое, порой злое отношение публики (прежде всего игроделов и игртехников) заставляет докладчиков быть предельно собранными. (Подобная встряска, кстати, дает хороший толчок для дальнейшего осмысления и обсуждения проблем в так называемой “индивидуальной работе” и “клубном пространстве”). Иногда намеченные докладчики предпочитают не рисковать и снимают запланированные выступления. Обязаловки в этом деле на игре нет. Напротив, для повышения “планки” ведущий использует нехитрые приемы нагнетания напряженности. “Кому есть что сказать еще что-нибудь новое?”. “Кто скажет что-то, более значительное, превосходящее по значению сказанное?” Чаще всего эту напряженность повышает сам Мацкевич. Он сознательно создает оппозицию высказываемой точке зрения, выражая это в заостренной, гротескно ироничной форме. Выступления участников он использует для того, чтобы проиллюстрировать типичные слабые места тех или иных позиций.

• Дисциплина мышления и высказывания.

В СМД подходе разработано много разных приемов, позволяющих дисциплинировать процесс мышления и говорения участников ОДИ. Это проявляется как в большом (процессе мыслительности всех участников игры), так и в малом (выступлениях и диалогах отдельных участников). Некоторые из этих приемов для непосвященного выглядят довольно странно, где-то даже комично. К примеру, увлеченного речью человека останавливают вопросом: “Что ты сейчас делаешь?”. Обычно человек отвечает первое, что приходит на ум — “говорю”. Тогда следует уточняющий вопрос — “Для чего и кому говоришь?” “Нужно ли это сейчас говорить?” “Что хочешь сказать своим говорением?” и т.д. Таким образом, участники коммуникации возвращают из потока сознания и говорения в осознание ситуации, в которой он находится, заставляют его отдавать себе отчет в том, что он делает своим говорением. Может быть, он задает вопрос, выражает свое мнение либо просто, злоупотребляя общим временем, предаётся нахлынувшим воспоминаниям.

Возвращение в “настоящее” практикуется и всем составом игроков, когда игра заходит в тупик и нужно разобраться, что же делать дальше. Для этого применяется метод рефлексии (методологи делают ударение на последнем слоге, подчеркивая методологическую нагруженность этого термина). В СМД-подходе рефлексия выполняет роль своеобразного поплавка, позволяющего “вынырнуть” из процесса мыслительности, для того чтобы оглядеться — посмотреть в прошлое и будущее. В практическом плане рефлексия помогает разобраться в сложной ситуации, шаг за шагом распутать то, что было. “Я сказал это, он сказал то, потом было следующее...”. В широком контексте рефлексия помогает игрокам осознать цель и этапы мыслительности, понять смысл того, что и для чего делается в игре и самой игрой.

Важным средством дисциплинирования мышления в ОДИ является использование специального языка схем, в которых, как правило, присутствует субъект и объект деятельности, ее нормы и средства осуществления. Надо сказать, что подобная практика не лишена смысла. По опыту общения со студентами знаю, что наиболее бессодержательной формой деятельности для них является говорение. К старшим курсам даже самые незнающие, если речь идет о гуманитарных предметах, в необходимых случаях что-нибудь “наговорят”. Переубедить их в том, что они не знают, о чем говорят, бывает непросто. Имея лишь поверхностное знакомство с предметом, человек не осознает масштабы “незнаемого”. Другое дело, когда отвечать приходится письменно. Написать что-то и не обнаружить своего незнания значительно труднее. Создание текста значительно сужает возможности для пустословия. Студент становится гораздо более скромным и ответственным за слова.

Еще более эффективным средством выражения мысли является схема. Здесь и преподавателям далеко не всегда удается пройти проверку на содержательность. Схематизация помогает тем, кому есть что сказать. Бессодержательное, путаное, нелогичное выступление не возможно отразить на схеме. И если все-таки человек попытается это сделать, слушателям не составляет труда выявить его погрешности.

• Деятельностный подход.

Одним из преимуществ ОДИ, помимо пробуждения творческого потенциала участников, является поиск тех, кто готов и способен к реализации запланированных действий. ОДИ потому и называется организационно-**деятельностной** игрой, что учит и подталкивает участников к мыслительной и практической деятельности. Поэтому результат игры это не столько выяснение того, “что” делать, сколько — “кто” это будет делать.

Важнейшим требованием, ориентирующим участников в сторону деятельностного подхода, является необходимость “самоопределения”. Каждый должен занять какую-то деятельностную позицию, исходя из которой он будет анализировать и решать обсуждаемые проблемы. По этому пункту, пожалуй, между участниками и организаторами было больше всего разногласий.

Методологи считают, что невозможно делать компетентные суждения, не занимая какой-либо позиции (3). Отсутствие оной, чаще всего, приводит к ни к чему не обязывающим рассуждениям с неопределенной точки зрения. Такой человек с легкостью судит обо всем, что видит, не принимая во внимание обусловленность знания интересами, профессиональной компетентностью, политическим и историческим контекстом. Яркий пример тому дети или пребывающие в детском состоянии сознания взрослые, для которых многие “привлекательные”, на их взгляд, профессии и виды работ являются “легкими” и ни к чему не обязывающими. “Ну что там особенного — быть начальником. Отдавай приказы и требуй исполнения”. “Что он, собственно, делает — ученый. Читает себе книжки и пишет всякую ерунду”.

Надо сказать, что именно ученым требование занять какую-то определенную деятельностную позицию не нравится больше всего. Оно и понятно, ведь они привыкли брать проблему “целиком”, быть беспристрастными в анализе. Занять какую-то жесткую позицию означало бы

для них потерю “объективности”, сужение горизонта мышления. СМД-подход не признает абсолютно объективированного мышления в сфере социогуманитарных исследований. Методологи полагают, что ни одному человеку не под силу рассмотреть проблему с разных позиций (позиция эксперта, в этом смысле, не исключение). Поэтому и нужна игра, на которой можно было бы произвести “сборку” разных точек зрения, осуществив приращение имеющегося знания. В принципе, и отдельный человек тоже может сделать нечто подобное, но не в каждый отдельно взятый момент времени.

Противостояние “деятельностного” и “критического” подходов не мешает тому, чтобы попытаться сыграть в “самоопределение”, даже если в жизни ты этого не делаешь. Как и всякая игра, ОДИ предполагает определенные игровые установки. Впрочем, в контексте белорусского общества требование занять какую-то деятельностную позицию имеет смысл не только по “игровым” соображениям. Не случайно, используемый на игре игротехниками прием уточнения позиции участников для многих звучал шокирующе. Задаваемый в лоб вопрос “Ты это говоришь как кто?” — ставит в тупик. Человек всячески пытается избежать своей самоидентификации, рассматривая ее как сковывающие, затрудняющие “свободное мышление” пути.

Впрочем, есть и еще одна, более веская, причина такого поведения. Мы не хотим быть ответственными за ситуацию во всех смыслах этого слова. Одна из бед белорусского общества как раз и заключается в том, что здесь никто не связывает себя с происходящим. “Все это без моего согласия и участия, я здесь ни при чем”. Стремясь дистанцироваться от реальности, белорусские интеллектуалы позиционируют себя как метафизические субъекты, занимающие “критическую позицию” по отношению ко всему, что их окружает — власти, оппозиции, народу.

ОДИ позволяют несколько иначе посмотреть на традиционный расклад сил в обществе. Обычно в нем выделяют **власть, народ** и постоянно думающую и страдающую “за народ” **интеллигенцию**. В упрощенном виде общество делится на тех, кто думает, и тех, кто не думает (просто пьянствует или выполняет приказы сверху). “Рас-суждающее” начало (Платон) сосредоточено в интеллигенции. Именно она призвана выполнять роль, которая в идеальном государстве Платона отводилась “философам”. С момента своего возникновения (19 в) интеллигенция наделяется качествами высокой гражданственности и патриотизма, способностью жить судьбой своей страны. В сегодняшней интеллигенции как никогда ранее “критический” дух преобладает над волевым, “деятельностным” началом. Она постоянно жалуется на бессовестную власть, на народ, которому “ничего не нужно”, и на ситуацию, в которой “ничего нельзя сделать”.

СМД-подход позволяет провести дифференциацию иначе. Современное белорусское общество состоит из тех, кто что-то делает (имеется в виду на благо общества), и тех, кто ничего для этого не делает, даже если и говорит обратное. “Недеятельностная” позиция объединяет по одну сторону “баррикад” и не желающую проводить реформы власть, и не задумывающихся о своем будущем обывателей, и бездеятельных, не верящих в смысл какой-либо социальной активности интеллектуалов. На игре данная установка нашла свое выражение в нежелании идти на компромиссы, что-то менять в устоявшихся формах работы, в неверии в смысл и возможность коллективной

работы по преобразованию будущего. Белорусские интеллектуалы слишком легко погрузились в постмодернизм (где все “исчезло” — автор, история, народ, продуктивная деятельность), отказавшись от рутинного просветительства. Проект Просвещения “завершился” в одной отдельно взятой стране.

В своем заключительном слове Владимир Мацкевич подметил, что на игре особенно трудно приходится тем, у кого и в жизни слова расходятся (или не подкрепляются) с делом, кто не осознает, что и для чего он делает своей работой. Если по жизни человек знает, что он делает, у него меньше шансов “заиграться”. Если не знает — у него есть возможность задуматься над этим, дать себе в этом отчет.

• Повышенная ответственность.

В системе обучения демократии общим местом стало утверждение о том, что свобода имеет смысл лишь в купе с ответственностью. Чувство ответственности за все, что происходит в обществе, желание участвовать в решении общественных проблем, собственно, и называется гражданственностью. Ее нам особенно не хватает. В белорусском обществе каждый (власть, бизнес, чиновники, военные, обыватели) думает о себе и никто — об общем. Не отличаются в этом смысле и интеллектуалы, хотя их безответственность может быть несколько иного рода. Они, может быть, и думают, но все как-то по старинке. Кроме того, считается, что люди умственного труда уже в силу специфики своей деятельности предрасположены к не организованному, не обязательному поведению. Для них характерна легкая безответственность во всем — пообещал и не сделал, взял на время и не вернул, назначил встречу и не пришел или опоздал на час и т.д.

Белорусское общество наследует старую советскую традицию несовпадения слов, дел и мыслей. Именно здесь кроется причина поразившей всех тотальной безответственности. Реформирование такого общества требует “исправления имен”. Методологи используют это выражение Конфуция, имея в виду, что сегодня имена искажены или вовсе утратили первоначальный смысл: президент не является президентом, граждане гражданами, ученые учеными. Никто не осознает и не выполняет своей истинной роли, своего предназначения.

Белорусы не избалованы свободой и не знают, что такое ответственность за ее использование. По опыту преподавания в вузе знаю и вижу, как вчерашние школьники, отпущенные “на волю” последним звонком, опьяняются воздухом университетской “свободы” и на какое-то время забывают об элементарных правилах этикета. Кажется, что теперь все можно — не ходить на занятия, на лекции по первому “зову” мобильного выскакивать в коридор, курить на виду у всех, громко демонстративно смеяться.

Игра заставляет хотя бы на время вспомнить о том, как оно “должно быть” на самом деле. Надо сказать, что удается это не всем и не сразу. Например, большинство участников прослушали установочный доклад в пол уха и не взяли на себя труд его детального разбора в группах. Всем понятно, что в подобном рода “казенных” выступлениях принято говорить какие-то общие, ни к чему не обязывающие вещи (что называется — “по протоколу”). Уже потом, в процессе игры, когда возникли содержательные споры по этому поводу, многим пришлось повторно возвращаться к тексту доклада с целью его более детального изучения.

То же самое проявилось и в отношении программы игры. Прошло несколько дней, прежде чем участники поняли, что постоянные отсылки к пунктам программы не случайны и что каждое ее слово что-то означает. Мы ведь знаем по опыту, что запланированное далеко не всегда осуществляется. Признаюсь честно, что и сам, перед поездкой, после предварительного знакомства с программой игры, подумал, что по большей части задуманное так и останется на бумаге. Мало ли проводится у нас разнообразных плотно “упакованных” научных мероприятий, в которых на первый взгляд все распланировано до минуты, но на практике всегда находится место отдыху? Какое же было мое удивление, когда я увидел, что все написанное соответствует действительности. Завтрак в 7.30. Начало работы в 8.00. Заключительная игротехническая рефлексия с 22.00 до 23.00. Мало того, в действительности она не раз затягивалась до часу ночи. За более чем недельное пребывание в Германии, только одна полноценная экскурсия в Гёттинген, которая длилась 3–4 часа. До нее и после нее опять же работа.

Теперь попробуем посмотреть на игру в ином свете и зафиксировать то, что в ней может **не понравиться**.

- Отсутствие **“введения”** в игру, где участникам (в особенности тем, кто участвует впервые) объяснили бы ее основные правила и тонкости. Без этого многие из них, по крайней мере поначалу, чувствуют себя не в своей тарелке. Особенно когда с них начинают требовать то, к чему они явно не привыкли — занимать какую-то деятельностную позицию, давать отчет каждому своему утверждению и пр. Может быть, это замысел организаторов — добиться большего психологического эффекта через внезапное погружение, противоречивую оценку происходящего, самостоятельное самоопределение по отношению к игре. А может они просто уверены в том, что об игре и так уже много написано и ее тонкости, так или иначе, всем известны.

Так или иначе, многие участники были обескуражены тем, как проходит игра и были к ней явно не готовы. Кто-то выразил мнение, что, если бы заранее знал о ее деталях, вряд ли бы поехал. “Это не мое” — выразился один из моих коллег. По опыту собственного участия могу сказать, что большинство вопросов отпадает само собой в непосредственно процессе игры. Сомневаюсь, что кто-то мог бы мне в этом помочь до игры. Судя по всему, ответы на подобного рода вопросы нужно получать самостоятельно.

- Одним из самых распространенных нареканий в адрес организаторов игры является упрек в **жестких методах** ее проведения. Признаюсь, что и сам на одном из пленарных заседаний возражал Мацкевичу, когда он пытался “прессовать” одного из участников за “безответственное” заявление. Я выразил сомнение в возможности учить демократии недемократичными средствами. Примерно об этом же выразился в своем обращении к участникам игры немецкий представитель, директор школы, в которой проходила игра. Он тоже выразил озабоченность по поводу толерантности, уважения к мнению другого и прочих “демократических изысках”, которых на игре, по его мнению, явно не хватало.

По словам Мацкевича, немилосердное отношение к участникам игры обусловлено выпадающей на них высокой ответственностью. Действительно, каждый человек обладает правом отвечать или не отвечать на заданные вопросы. Но на игру пригласили не “каждого”. Тем самым

признается высокий статус участника и “спрос” за слова. Трудно сказать, что в такой ситуации нужно делать — гордиться или обижаться. Обычно это определяется общим отношением к игре. “Признавшие” игру к ее методам относятся достаточно спокойно. Собственно говоря, атмосфера всякой игры определяется согласием ее участников принять на себя те или иные правила “хорошего” и “плохого” тона. Нередко сами игроки заинтересованы в ужесточении условий игры. В современном спорте, например, в целях повышения зрелищности устраиваются настоящие баталии (вспомним профессиональный хоккей). В конце концов, не нравится эта игра — играй в другие.

Справедливости ради следует отметить, что отношение Мацкевича к участникам не было таким уж жестким. Он первым осаживал не в меру заигравшихся игротехников, пытавшихся перенести накал страстей из пленарного заседания в клубное и частное пространство. Непримиримость, если она и была, проявлялась прежде всего в отношении самих же организаторов — методологов и игротехников. Вспоминаю эпизод, когда в беседе с коллегой услышал возмущенные замечания по поводу “бесчеловечного” отношения. При детальном расспросе выяснилось, что речь идет о выпадах Мацкевича в адрес методологов. “Я не могу видеть, как унижают других людей” — сетовал собеседник. Действительно, за промахи Мацкевич был беспощаден к своим подопечным. Надо отдать должное этим молодым ребятам, которые проявляли чудеса самообладания и вели жесткую интеллектуальную борьбу в столь сложных условиях. Нужно обладать хорошей психологической закалкой, чтобы согласиться быть выставленным перед всеми в “дурацком” свете, сохраняя при этом способность мыслить. По всему видно, у них изначально была иная, гораздо более серьезная установка на игру и преодоление ее трудностей.

В психологическом плане вопрос о методах игры в конечном счете решается через очерчивание “своего круга”, определение “своих” и “чужих”. В повседневности мы ведь тоже, как правило, более требовательны к “своим”, к тем, кто, с нашей точки зрения, обладает особым “статусом” и с которых должен быть “особый спрос”. “Свои” — это те, кто многое понимают без слов, кто на слова не обижаются и осознают, что за ними стоит нечто более значимое (может быть не всегда понятное окружающим). Вспоминаю на этот счет слова Ошо о том, что все слова благодарности выдуманы для “внешнего” круга, т.е. для тех, кто по-настоящему вас не понимает. Эти слова нужны, чтобы не спровоцировать конфликт. Среди “своих”, среди по-настоящему близких людей все эти “позвольте” и “извините” излишни. Судя по всему, методологи давно уже являются кругом единомышленников, где на слова стараются не обижаться, потому что есть взаимопонимание. Обычно, чем теснее этот круг, тем дальше граница дозволенного — критики, шуток, ненормативной лексики.

• Узурпация истины.

Участвуя в игре, трудно не поддаваться соблазну увидеть в ней нечто вроде манипуляции сознанием. Действительно, постоянный прессинг, жесткая критика, сформулированные до игры установочные положения наводят на мысль о том, что у игры есть запланированный результат. Может показаться, что это не вы, а вами кто-то играет. Особенно если учесть слаженность работы команды игротехников, их тщательную организационную и содержательную подготовку. Следует признать, что суще-

стует определенное противоречие между стремлением игроделов сыграть “в чистую”, не вмешиваясь в содержательное наполнение игры, и желанием повлиять на ее исход, подспудно проводя какие-то свои идеи. Это противоречие коренится где-то в основаниях методологических установок. С одной стороны, методологи полагают, что ОДИ нельзя подменить предварительной деятельностью. Пусть даже она проделана очень подготовленной командой. (Жизнь богаче теории, конкретные ситуации могут быть неизвестны теоретикам. Несмотря на хорошую предварительную проработку материала, в процессе игры методологи чему-то учатся сами. Благодаря ОДИ они узнают ситуацию такой, какая она есть). С другой стороны, детально прорабатывая план и программу, они имеют широкие возможности (и соблазн) коренным образом повлиять на ее результат. Особенно если речь идет о темах, самым тесным образом связанных с самоопределением самих организаторов. Сплоченность и содержательная подготовка команды лишь укрепляют подобные подозрения со стороны других участников. Трудно поверить, что при таком раскладе они тоже не знают, куда пойдет и чем закончится игра. В принципе, поверить в это можно, если доверяешь, но верят ли в это сами организаторы?..

• Пренебрежение **индивидуальностью**.

На каком-то этапе игры вас может охватить обида за то, что вас используют как средство. Вы представляете собой только позицию и никого не интересует ваша индивидуальность. А ведь вы личность, которая гораздо богаче и разнообразней, чем любая функция. Куда подевались все ваши заслуги, уважение коллег и признание читателей? В общем, происходит то, что обычно имеет место, когда вы начинаете играть в новую для вас игру. Впервые выходя на футбольное поле, вы не в праве рассчитывать на то, что к вам будут относиться как к авторитетному политику (такое, правда, у нас случается, но в других “играх”). Погружаясь в ОДИ, надо адаптироваться к новой роли и завоевывать авторитет в процессе самой игры. Нельзя сказать, чтобы это приходилось делать “с нуля” (все-таки на игру приглашаются те, кто так или иначе играет в нечто подобное и в реальности), но “накладки” и несовпадения неизбежны.

В белорусском обществе сложилась ситуация, когда полученные звания и степени, рейтинги и имиджи далеко не всегда соответствуют действительным заслугам их обладателей. Все знают, что защита диссертации может быть результатом обычной усидчивости и терпения, банального везения либо благоприятно сложившихся в свое время обстоятельств. Проходит время и эти же темы становятся “недиссертательными”, ужесточаются условия защиты, портятся отношения с “нужными людьми” и пр. Точно так же и занимаемая должность может быть результатом родственных или просто хороших отношений с начальством и т.д. По этой причине в среде ученых (по крайней мере, общественного и гуманитарного профиля), давно уже существуют разные системы признания и авторитетности. С одной стороны находятся те, у кого есть докторские степени, профессорские звания, высокие должности. С другой — очень часто не обладающие даже кандидатской, но постоянно и плодотворно работающие на переднем крае науки. Выяснению того, кто есть кто, мог бы помочь рынок и здоровая конкуренция, но об этом пока можно только мечтать. Вот и получается, что при назначениях (коими занимается государство) акцентируется внимание

на регалиях, а когда нужно сделать что-то стоящее (новое, творческое, нестандартное), обращаются к неформальным авторитетам. ОДИ это одно из мест, где значение формальных атрибутов сводится к минимуму. Здесь надо показать, на что ты способен без “погон” и “лампасов”, не важно в каком ведомстве (государственном или негосударственном) ты их получил.

• Завышение “**планки**”.

Впервые попавший на методологические семинары, проводимые в Агентстве гуманитарных технологий (АГТ), рискует ничего не понять. Это направление вполне оправдывает свой имидж весьма мудреного и навороченного. В философском словаре про СМД-подход читаем: “Архаичность и маргинальность социальной формы существования СМД-методологии в сочетании с современными методами системных исследований, рафинированным стилем изложения и языком делают этот подход и все движение уникальным явлением в постсоветской культуре” (3). Этот язык, или, по крайней мере, его основные элементы, методологи привносят и в ОДИ. Не владеющие этим языком чувствуют себя на первых порах не очень комфортно. В дальнейшем часть из них пытается его понять и освоить, часть замыкается и уходит в себя. Типичное объяснение: “Меня здесь не понимают”, “Я привык говорить на другом языке”.

Конечно, вопрос языка, принимаемого “на вооружение” какой-то группой, является ее внутренним делом. Ведь существуют же разнообразные, мало понятные для непосвященных, профессиональные сленги. У методологов свой “сленг”, он им нравится и помогает что-то делать. (Сдается, что говорить сложно для них уже стало более простым занятием, чем говорить просто). Другой вопрос — стоит ли этот язык делать языком игры, в которую играют не методологи. И здесь уже дело принципа. Организаторы утверждают, что этот язык лучше подходит для подобного рода работы и целей социального проектирования в целом. В принципе, игра не препятствует тому, чтобы кто-то использовал иной язык и показал его преимущества. Однако при общем раскладе сил на игре это маловероятно. Тем более, что язык методологов действительно очень функционален. В общем, получается так, что говорить на игре вы можете как угодно, но проверять на логичность и содержательность вас будут при помощи методологических “штучек”. На мой взгляд, большой разницы нет, на каком языке говоришь. Главное, чтобы понятия использовались корректно и было что сказать.

Помимо специального языка, завышение “планки” выражается и в содержательном наполнении дискуссий, вовлечении в оборот широкого круга источников, цитат из научной и художественной литературы. Согласно Мацкевичу, формирование “своего круга”, собственно и осуществляется благодаря чтению общих книг, использованию знакомых примеров и шуток. Не знающие о чем идет речь волей-неволей оказываются исключенными из разговора. Подобный стиль характерен и для “большой игры”, которую ведет Мацкевич и его команда в общественной жизни. Многие интерпретируют такое поведение как проявление снобизма и относят на счет дурного характера лидера. Сам Мацкевич объясняет это так называемой игрой “на повышение”. Она возникает как ответ на активно проводимую властью игру “на понижение”. Усилия политического руководства, поддерживаемые значительной частью населения, направлены на постоянное снижение

планки во всех сферах общественной жизни. Управление государством сводится к озвучиваемым президентом, простым и понятным для обывателя приемам и формулам, экономика обходится без всяких там сложностей типа банковских рейтингов, биржевых котировок, процедур банкротств. Выполненную работу давно уже не оценивают с точки зрения качества продукта. Главное, чтобы выполнялись планы и своевременно делались разного рода отчеты. Занижение планки — это результат сознательно проводимой политики. В таких условиях власть может не бояться давления со стороны гражданского общества, сильной оппозиции или думающих интеллектуалов.

На мой взгляд, нам не следует опасаться снобизма. Напротив, это то, чего нашему обществу явно не хватает. Помню, как в одной из статей, посвященных Фестивалю неформального образования, автор не без иронии пишет о “ярком впечатлении”, которое произвел круглый стол, посвященный проблемам стандартов. “Коллеги отмечали, что дискуссия велась на таком высоком философском уровне, что не всегда было понятно, какое отношение она имеет к практике, и вообще, в чем ее суть и цель. Более того, было высказано мнение, что подобного рода дискуссии — это не по-европейски” (4). Действительно, иностранцы давно уже без нужды не усложняют. Скорее наоборот, необходимость постоянно поддерживать “связь с общественностью” заставляет упрощать, популяризировать. В Беларуси ситуация особая. Мы так долго существовало в условиях предельной “простоты”, что не грех подумать о “сложном”. Нас так долго призывали “быть проще”, что мы отвыкли думать всерьез. Изменить ситуацию можно лишь игрой “на повышение”. Следует вводить в моду “сложное” и качественное во всем — в науке, искусстве, образовании. Пусть будет много умных и талантливых людей, между которыми пусть разгораятся дискуссия и конкуренция.

- Роль **личностного** фактора в игре.

Речь в данном случае опять о Владимире Мацкевиче. Ведь отношение к игре со стороны белорусских интеллектуалов и политиков во многом обусловлено отношением лично к нему³. Это он задает игре тон и накал, которым она отличается от всех других научных и образовательных мероприятий. Вместе с тем, именно Мацкевич является виновником того неоднозначного, часто негативного, к ней отношения. Кто-то не вписался в игру, кого-то Мацкевич обидел в Интернете. Можно, хотя бы в плане описания генезиса ОДИ, порассуждать о том, чем она была бы без Мацкевича. Понятно, что она многое потеряла бы в яркости и напряженности. Однако, вполне возможно, стала бы больше похожа на коллективное творчество, в котором все примерно равны. Наверное, это было бы

возвращением к истокам ОДИ, эдаким “методологическим фундаментализмом”. Нужно ли это белорусским методологам? Не знаю. Ясно одно, сегодняшними играми Мацкевич занимается поляризацией в стане “несогласных”, отделяет “своих” от “чужих”. Может быть, в дальнейшем, когда задачи изменятся, придут другие, более терпимые и покладистые.

В завершение своих рассуждений об ОДИ, хотелось бы сделать некоторые **выводы**:

1. Прежде чем участвовать в игре, следует дать себе отчет в том, насколько ты **доверяешь** ее организаторам. Как уже отмечалось, специфика игры предоставляет им широкие возможности повлиять на процесс ее протекания. Предшествующий игре период содержательной и методической подготовки ставит методологов и игротехников в выигрышное положение. При отсутствии доверия легко поверить в то, что все это какие-то хитрые манипуляции с целью достижения своих, “узкокорыстных” целей. Повод для подобного рода сомнений всегда найдется. Особенно в тех случаях, когда речь идет о борьбе за ресурсы и влияние, которая среди интеллектуалов ведется не менее жестко, чем среди бизнесменов. В зависимости от степени доверия к организаторам игры различаются и самые первые впечатления участников. Кто-то все происходящее сравнивает с тоталитарной сектой, где знающий и авторитетный гуру умело управляет своим окружением, вербуя новых адептов. Кому-то игра напоминает очень популярные на Западе психологические тренинги личностного роста. В них так же можно испытать эффект “погружения”, трудности адаптации в малых и больших группах. Сравнение этих мероприятий с ОДИ, надо сказать, не безосновательное. И в том и в другом случае, тебя, условно говоря, “бьют палкой” по голове, и говорят, что делается это для твоей же пользы. Понятно, что подобные методы “личного совершенствования” подходят не каждому. В наше изнеженное время не каждый готов терпеть “побои”, даже если они всего лишь интеллектуальные.

Наличие доверия снимает еще одну проблему — негативного отношения к В.Мацкевичу. Известно, что его нарпористая манера ведения дискуссии, нарочито грубоватая речь и сочные определения, нравятся далеко не всем. Особенно не нравятся они тем, кто давно привык к иному, рафинированному языку и гораздо более почтительному отношению. Здесь мы наблюдаем феномен, который имеет место и в повседневном общении. В зависимости от отношения к человеку (импонирует он тебе или нет), грубоватая шутка и крепкое словцо могут восприниматься и как хамство, и, напротив, как попадание в точку.

2. Участие в игре требует определенной **готовности** к ней. Речь даже не о детальном знакомстве с правилами

³ В этой связи опять вспоминается Конфуций.

Цзыгун спросил:

— Что, если кого-то любят все односельчане?

Учитель ответил:

— Это плохо.

— Что, если кого-то ненавидят все односельчане? — снова спросил Цзыгун.

Учитель сказал:

— Это тоже плохо.

Пусть лучше, если его полюбят хорошие односельчане

И возненавидят злые. (5)

игры или сущности СМД-подхода. Готовность к игре заключается, прежде всего, в способности и желании игроков **учиться**. Учиться в самом широком смысле этого слова. Это когда им удается сохранять (несмотря на накопленные знания и опыт) понимание своей личной **недостаточности**, что-то вроде состояния "незнания" по Сократу. Желание и способность учиться так или иначе проявляются в способности критически относиться к устоявшимся убеждениям, способности и желании менять отжившие представления, способности хотя бы на время отказываться от личных амбиций. В противном случае возникает ситуация, которую восточные мудрецы характеризуют как "ученик не готов". Проявляется это по-разному. Порой в банальном нежелании признавать какие-либо авторитеты. "Кто он таков, этот учитель?". "Ведь я и сам уже не маленький!". Или по-другому. "В принципе, я согласен с тем, **что** ты говоришь. Но почему именно **ты**?". Порой в нежелании соглашаться с очевидным, но не совсем привычным. "Мы уже давно работаем так и не нуждаемся в каких-то изменениях". Человек согласен на количественные (больше, лучше, быстрее), но не качественные изменения.

Способность и желание учиться позволяют человеку не бояться открытой дискуссии, спокойно, без истерики, относиться к поражениям, признавать чужие интеллектуальные и профессиональные заслуги. Беда современного белорусского общества в неспособности к **добро-вольному** признанию неформальных авторитетов. "Ну, ладно президент. У него власть и все такое. А этот-то кто?". Отсутствие демократической практики не позволило сформировать в обществе культуру "подчинения". Еще Аристотель указывал на то, что гражданином может считаться лишь в совершенстве освоивший обе способности — подчинения и властвования. В системе современного гражданского образования способность к признанию лидерства ценится не меньше, чем способность к самому лидерству.

Нежелание учиться может проявляться и как нежелание дисциплинировать свое **мышление**. Нередко, особенно в начале игры, ее участники болезненно воспринимают "жесткое" поведение игротехников, "дисциплинирующих" работу в секционных группах. Хотя, по большому счету, эти люди не вмешиваются (или, по крайней мере, не должны вмешиваться) в содержательную часть беседы. Они вообще не делают ничего предосудительного, кроме того, что пытаются заставить участников постоянно давать себе отчет в том, что они "делают", когда пытаются говорить. Их роль заключается в том, чтобы создать оптимальные условия для рождения нового, коллективного знания. Все делается для того, чтобы дискуссия, обмен мнениями не отклонялись от темы, чтобы высказывания участников были содержательными, чтобы участники, когда они выносят суждения, занимали какую-то позицию, а не говорили "вообще", с точки зрения абстрактного (и, как правило, малокомпетентного) наблюдателя.

Чисто психологически действия игротехника, особенно если они провокационно заострены ("вы не думаете", "вы не отдаете себе отчет, что делаете", "вы не знаете, для чего приехали на игру" и пр.) вызывают естественную реакцию сопротивления, которая хорошо стимулирует мыслительную деятельность. Все мы привыкли к тому, что "свои" это те, кто поддвигают и соглашаются. Недоверчивое выпрашивание, дотошное отно-

шение к каждому вашему слову невольно обозначает "чужого", занимающего иную позицию. Такому человеку хочется возражать. Кроме того, если человек столь требователен и недоверчив, значит, он сам знает "как надо", "как должно быть". С ним невольно хочется поспорить. Но с игротехниками этого делать не следует, потому что по правилам игры у них нет своей позиции. Они приставлены для того, чтобы следить за формальными сторонами коммуникационного процесса — его логичностью, информативностью, точностью высказываний. Они должны делать все, чтобы во время обсуждения в группах участники игры не тонули в бесплодных разговорах "ни о чем", чтобы никто не использовал общее время для воспоминаний прошлого или банальной самореализации, чтобы дискуссии, если они происходят, были оправданными и осмысленными. Конечно, не всем игротехникам удается сохранить свою "чистоту" и не-причастность к теме обсуждения. Кое-кто пытается поучаствовать в качестве игрока (т.е. иметь свою личную позицию), за что его наказывают во время игротехнической рефлексии (которая проводилась в конце каждого дня игры) сами организаторы.

3. Участие в игре, безусловно, требует желания и способности играть. Многие из тех, кто поехал на игру, не слишком задумывались над тем, что такое игра и чего она от них потребует. Не все были готовы играть "по-настоящему". Отчасти потому, что не привыкли воспринимать слова "всерьез" (мало ли что у нас называется конференцией или игрой), отчасти в силу собственного опыта проведения деловых игр, в которых они выступали в качестве ведущих, а значит, всегда могли сохранять за собой особый статус и в любой момент выйти из игры. Безусловно, есть люди, которые в меньшей степени, чем другие, склонны к любым, в том числе и интеллектуальным, играм. Не каждый готов к экспериментам (пусть и добровольным) над собственным сознанием и психикой. Не каждый столь азартен, чтобы, хотя бы на время, забыть о своем звании, степени, должности. Вспоминаю, как один из весьма уважаемых участников с обидой рассказывал о работе игротехника в группе: "Со мной уже давно никто **так** (такими словами и таким тоном) не разговаривал".

4. Участие в игре требует высокой заинтересованности в обсуждаемой теме и, как следствие, высокой самоотдачи в процессе игры. Игра становится вдвойне увлекательной, если на ней обсуждаются **ваши** проблемы. Для этого вовсе не обязательно быть глубоким специалистом. Достаточно иметь к этим проблемам непосредственное отношение, быть заинтересованным и способным принимать деятельное участие в их разрешении. Немцы с удивлением наблюдали за "фанатичными" белорусами, которые без сна и отдыха предавались спорам и рефлексии по поводу "несуществующего" в их стране гражданского образования.

Как уже отмечалось, особой принудилки по участию во всех формах игры нет. Теоретически ты можешь участвовать в том, в чем сочтешь необходимым. Но, других занятий здесь попросту нет. Тихое, уединенное место, вдали от домашних дел и в отсутствии телевизора, невольно настраивает на мыслительную работу. К тому же игра по-настоящему затягивает. Ты уже не можешь остановиться и не участвовать. Даже если формально игнорируешь некоторые ее формы, например, не посещаешь какие-то заседания. В таком случае ты просто играешь

“против” чего-то в игре. Но это тоже будет игра. Кроме того, будучи заинтересованным в обсуждаемых проблемах, ты сам не захочешь пропускать заседания, рискуя “отстать от поезда” и упустить логику движения вперед. Да что там пропускать заседания! Даже присутствуя на них и пропустив мимо ушей какую-то реплику, можешь не понять смысл разгоревшегося на ее основе спора.

5. Для плодотворного участия в игре было бы не лишним, чтобы игрок верил в смысл социального **проектирования**. Понятно, что в подробностях этого дела разбирается не каждый, но верить в его необходимость и возможность, желание в нем поучаствовать не требует особой подготовки. К сожалению, многие достаточно плодотворно мыслящие (каждый в своей “нише”) профессионалы зачастую слабо дают себе отчет в том, насколько наше будущее поддается планированию, не знают и не верят, что для этого можно и нужно что-то делать. В понимании этих вопросов нам не поможет ни советское прошлое (когда на всех был один, давно разработанный утопический проект и масса таких же утопических, не имеющих отношения к действительности программ) ни наше “блестящее” настоящее (когда все проекты и программы рождаются в одной “светлой” голове). Но дело даже не в бездарных политиках. Сами ученые перестали осознавать, что должны “делать” для общества общественные науки, какова их практическая польза. Создание проектов стало восприниматься как способ “подработки”, цель которой заключается в получении финансирования. Кстати, именно это обстоятельство является одной из причин недоверчивого отношения к В.Мацкевичу и АГТ (Агентство гуманитарных технологий). В общем, нас как всегда портит “квартирный вопрос”.

Как участник ОДИ и человек, которого интересуют проблемы гражданского образования в Беларуси, полагаю, что первую большую игру на поле гражданского образования можно считать вполне успешной. Помимо создания совместного проекта и желания участников совместно работать над его реализацией, она показала возможности применения игротехнических приемов в процессе решения важнейших для гражданского образования задач — дисциплинирования мышления, приобретения навыков эффективной коммуникации, постановки и решения общественных проблем. Пока что это опробовано на тех, кто “думает” и “делает” гражданское образование. В перспективе задача ее адаптации к практике базовых образовательных и воспитательных процессов. ■

Литература:

1. Конфуций. Изречения. 15.28. В кн.: Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987. — С. 295.
2. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (1) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.9. (1). М.; 2004. — С.116.
3. СМД-методология // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн., 1999. — С.624–625.
4. Луговцова А. Здесь были неформалы: по следам участника Фестиваля неформального образования // Адукатар. Часопіс неформальной адукацыі, №3 (9), 2006. — С. 9.
5. Конфуций. Изречения. 15.28. В кн.: Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987. — С. 290.

кніжная палічка

Чернявская А.С. Право несовершеннолетних: книга для взрослых / Минск: Тесей, 2006. — 24 с. (Знай свои права).

В брошюре раскрыты отдельные положения гражданского, трудового, семейного, административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, отражающие права, ответственность и обя-

занности несовершеннолетних в Республике Беларусь. Так как белорусское законодательство в этой сфере достаточно сложное, в данном издании была отобрана, переработана и систематизирована информация по каждой из перечисленных выше отраслей права. В каждом разделе свободы, ответственность и обязанности отражены в соответствии с его возрастными периодами.

Брошюра написана просто и доступно, чтобы каждый, даже тот, кто не имеет соответствующей юридической подготовки, смог, во-первых, самостоятельно разобраться в действующих нормах, а во-вторых, вовремя помочь ребенку разобраться в возникшей у него проблеме.

Чернявская А.С. Детское право: книга для несовершеннолетних / Минск: Тесей, 2006. — 24 с. (Знай свои права).

В брошюру включена информация об основных юридических правах, ответственности и обязанностях подрастающего гражданина Республики Беларусь в зависимости от возраста. Материал разбит на блоки, каждый из которых посвящен отдель-

ной отрасли права: семейному, трудовому, административному, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Сразу следует отметить, что это не свод законов и даже не подробное их изложение, это заметки, основанные на правовых нормах нашей страны. Небольшой правовой справочник, который может пригодиться каждому взрослому человеку.

Издание предназначено несовершеннолетним, может быть использовано социальными педагогами, учителями, классными руководителями при проведении с учащимися занятий по правам ребенка.